

Носить на руках, чтобы долго цвела.
Смеялась и пела, и юной была!
Такой озаренной, такой яснооокой,
Такою же близкой, такою далекой.

На снимке Евгения Епанчинцева Наташа Новоселова, солистка художественного коллектива "Русский стиль". ■

Вначале было Слово...

Чита литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 7 Апрель 1997 г.

Ал. Шегера, архитектор

«...ДЕВИЦА ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ»

По материалам ООН, из почти 6-миллиардного населения Земли один миллиард не имеет крыши. Но это не про нас. В Забайкалье еще в каменном веке весьма научно разумели — без архитектуры не выжить. И сооружали разного вида строения, жгли в них костры и всю жизнь кочевали со скотом в поисках тепла и корма.

Французы шутят: "Архитектура — это девица легкого поведения, которая начинает раздеваться еще в лифте..."

"Архитектура — это блестящие пуговицы на мундире чиновника" — отвечают им с другого конца света китайцы.

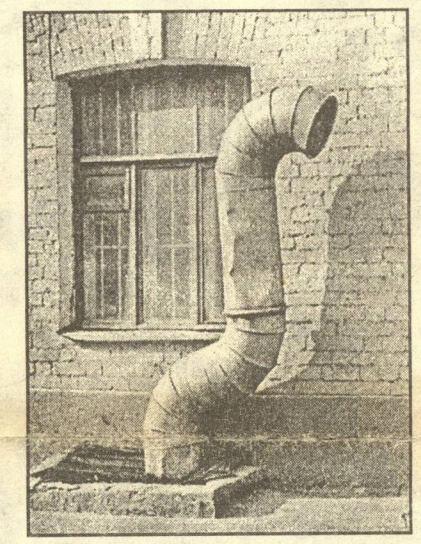
И это не про нас...

После очередного стихийного бедствия взирая с бугров на крыши деревеньки, утопшей от разлива реки Шилки, мужики на вопрос правительственной комиссии "Какая нужна помощь?" ответили: "Нам бы ящик гвоздей да шиферу". Понятно — тут не до фантазии. Запросы, прямо скажем, "минимальные".

Комиссию можно прислать — архитектуру не пришлешь...

Это всегда "наше место в наше время", и так во веки веков. От ям и пещер, плиточных могил, берестовых и кожаных чумов, войлочных и деревянных юрт, бревенчатых острогов, малых и больших поселений, состоящих из временных, но вечных, как избушка на курьих ножках страдающей бессмертием Бабы Яги, обиталищ. Нет, были архитектурные всплески. Высокой вершиной искусства явилось первое каменное сооружение в Забайкалье — Успенская церковь начала XVIII века в селе Монастырском, что против устья реки Нерчи, впадающей в Шилку.

(Окончание на 3 стр.).



КРАСНАЯ СТРОКА

* * *

Сколько боли
в мордашке сопливой—
промахнулся в полете и...вот —
вратаря угостили крапивой,
чтоб не лазил в чужой огород.
Как тебе, злой хозяин, не стыдно?
Он укроп твой сломать не хотел!
Даже кошке твоей было видно —
мячик сам в огород залетел...
А мальчишка поплакал и...право,
отбивает удары уже...
Только долго такая расправа
остается у кошки в душе.

* * *

Две девчонки, как сестренки,
грациозные осанки:
Светка с телом амазонки,
Танька с волосом русалки.
Я роман читаю с Таней,
патефон — у Светы хобби.
Весь секрет моих метаний —
мне они по нраву обе.
Амазонка и русалка,
юбочки из крепжоржета...
И с любой расстаться жалко —
вот такой финал сюжета!

* * *

На меня он смотрит косо,
как на старого врага.
Человеческая особь,
лет примерно сорока.
Кресло вычурно облапил
и сидит, как сытый кот:
при костюме и при шляпе,
ему шляпа не идет.
Он под шляпой, как под крышкой,
от большой сковороды.
А когда-то был мальчишкой,
ни усов, ни бороды.
Брюки клеш, рубашка в клетку,
на лице избыток сил...
И любил та-акую Светку!



Александр Боришполец

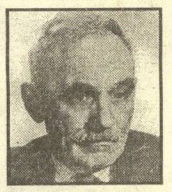
На руках ее носил!
А у Светки, у соседки,
брови черные дугой.
Он фату примерил Светке,
а женился на другой...
Все мы в чем-то виноваты:
самолеты...поезда...
ледоходы...листопады...
и усы, и борода...
Кресло
вычурно облапив,
он сидит как сытый кот,
при костюме
и при шляпе, —
ему шляпа не идет.
Шляпу снял
и лоб нахмурил,
и кисель разводит мне
о какой-то рыжей дуре,
и о выпитом вине.
Рассказал,
как душу выжал,
а в душе такая брешь,
как он ездил
с этой рыжей
по путевке "зарубеж".
Не сложилось
с их романом.
И на новые долги
он сорвался "за туманом,
и за запахом тайги..."

Все мы в чем-то виноваты,
самолеты... поезда...
ледоходы... листопады...
и усы, и борода...
А у Светки, у соседки,
брови черные дугой.
Он фату примерил Светке,
а женился на другой.
Белый свет ему не белый,
что он смотрит мне в глаза?
Что наделал? Что наделал?
Вот бы дать ему раза!
Что-то мелет про искусство
на знакомом языке.
У меня такое чувство,
что мы с ним накоротке.
Сладкий дым от папиросы
у него над головой...
Человеческая особь
и...трюмо передо мной.



В НОМЕРЕ:

Григорий Шелест



Днем работа, вечером при коптилке тяжелый отдых. Клопы, грязь, обыски. Всяческие издевательства от начальников и от "друзей народа"—блатных. Но мы жили и работали. Я, вроде, отдышался после одиночки.

Валентин Марков



Первым вырвался вперед Миша и заплюхал задницей по земле. Он поднял такую пылевую завесу, что скрылся за ней. Саня и Андрюха, хватая ртом черный воздух, вдогонку.

Зоя Зеленская



Вдруг посмотрела и—оробела. Над кроваткой сына висел его крестильный крест... массивный, золотой. Взять его? Рука не поднималась, но все-таки взяла: ведь необходимы Павлику лекарства и питание.

Алексей Шегера



Храмы "спаса на картошке" вновь очищают заблудшие души от скверны. А в других храмах бывшего светлого будущего бывшие коммунисты передемократизировались в "новых русских".

Нина Коледнева



Кто не знает, что эвенки-оленеводы из Чарской долины живут в селении Кюсть-Кемда, что на эвенкийском языке означает "сильнее кто?". Но вот откуда это название пошло, только старики рассказать могут. А дело было так...

Виктор Домбровский

Он суетливо изобретал себе командировку в Москву, а через несколько дней подъезжал к городу своей юности, дрожа от дорожного похмелья, то ли от неловкости предчувствуемого объяснения, а, пожалуй, более всего, от жалости к себе любимому.

ШКАТУЛКА ТЕАТРАЛА

Многие помнят, как широко было отмечено в 1975 году не только в Чите, но и по всей стране 150-летие со дня восстания на Сенатской площади. Опальным декабристам была посвящена инсценировка Марка Сергеева "Записки княгини Волконской" на сцене Читинского драмтеатра (постановка Валерия Бухарина).

С этим спектаклем наши земляки удачно показались в Ленинграде. В декабре, кстати, исполнилось 20 лет со дня успешной постановки пьесы на читинских подмостках.

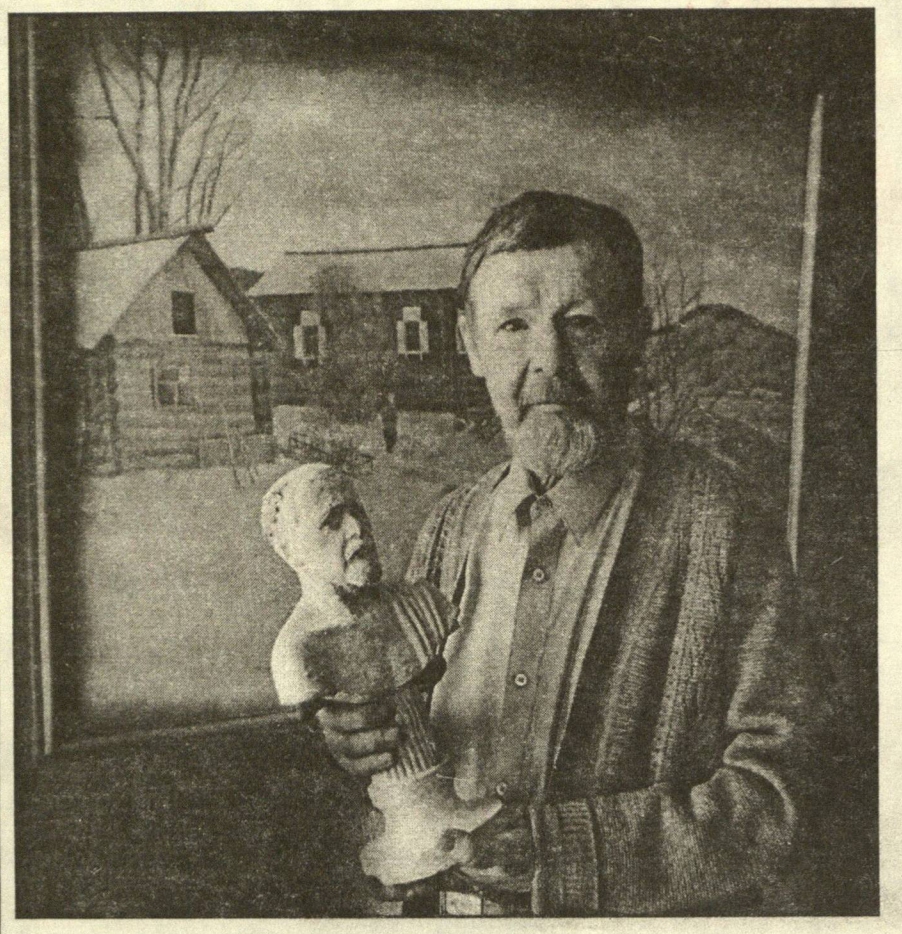
НА СНИМКАХ:

Актриса Валентина Зуховицкая в роли княгини М.Н. Волконской.
Актриса Татьяна Минина-Алешкина в роли княгини Е.П. Трубецкой.

Текст и фото Светланы СОСНОВСКОЙ.







ЮБИЛЕЙ

Ян с бюстом Яна, сработанным скульптором Еленой Дружининой.

*

Забайкальский пленер

Ян Шплатов принадлежит к числу тех мастеров, творческий путь которых складывается на редкость удачно. Сказанное не означает, что ему не довелось пройти сложный путь постижения мира в живописных образах, где были неудачи и разочарования, открытия и находки. Шплатову удалось обрести себя в любимом деле, где раскрылся его талант, а потому Яна Ивановича можно считать человеком счастливой творческой судьбы.

Художнику всегда важно бывает определиться, найти свою тему в искусстве. Шплатов отдал предпочтение пейзажу, ставшему для него основной темой. Интерес к этому жанру проявился почти в самом начале самостоятельного творчества. О том, что молодой живописец сумел передать своеобразие природы нашего края, увиденной по-своему, свидетельствовал неподдельный интерес зрителей и лестные отзывы взыскательных критиков.

Иной художник удачному выбору мотива может быть обязан своим успехом, порой случайным и кратковременным. Если же мастер создает картины, отмеченные самобытным, "шплатовским", мироощущением, которым присуща особая манера письма, благодаря чему они легко узнаются в любой экспозиции, то достижения его не преходящи.

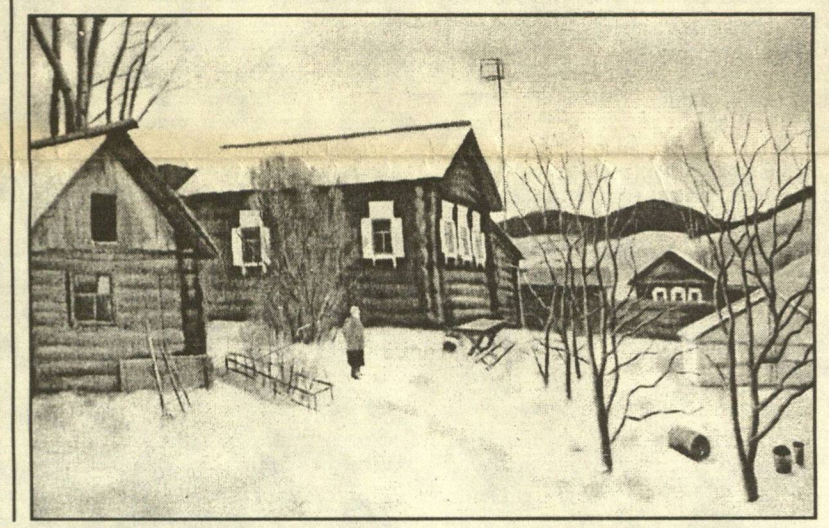
Когда смотришь забайкальские пейзажи автора, то запечатленные его кистью уголки земли кажутся знакомыми, неоднократно виденными. Но силой таланта Шплатова будничные мотивы предстают перед нами преображенными, одушевленными его творческой волей, а оттого — значительными. В разное время года пишет он любимые им склоны сопок с характерной редкой цепочкой сосен и березок, чабанские стоянки в степных просторах, уходящие вдаль тропинки в лесу. В этих полотнах есть ясность и спокойствие, светлая гармония бытия, которые располагают к пристальному рассматриванию. В них словно отразились приметы внутреннего склада, характер художника, оставившего в каждом холсте частицу своей души.

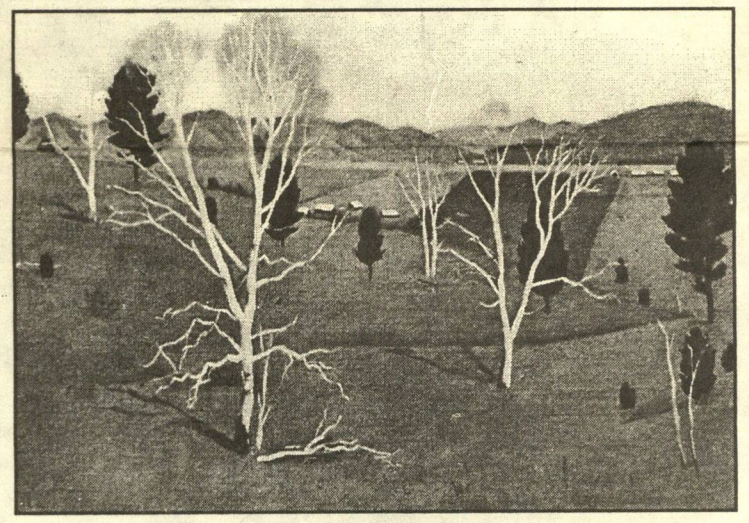
С присущей ему мягкостью, деликатными прикосновениями кисти создает он выразительные художественные образы в работах "Зимой", "Осенний день", "Начало мая в Забайкалье". Характерные названия говорят сами за себя: картины складываются в своеобразную сюиту "Времена года", согретую теплым чувством.

В искусстве живописца "неравнодушная природа" и человек предстают в неразрывном единстве. Шплатов наделен незаурядным колористическим даром. Он тонко разрабатывает цветовую гамму, основанную на сочетании сближенных тонов, не прибегая к резким контрастам.

Совершенствуя свое мастерство, Ян Иванович не позволяет себе остановиться на достигнутом. А значит зрителям еще предстоят встречи с его новыми работами.

И. БУРДУКОВСКАЯ,
научный сотрудник Читинского областного художественного музея.





«...А СЕРДЦЕ В ЧИТУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ»



Заслуженный работник культуры России, бессменный директор областной библиотеки им. А.С. Пушкниа.

Нина Лапенкова

Кому из читинцев не помнятся замечательные литературные праздники, что проходили на земле забайкальской, и теперь уже вошли в историю как праздники книги с общим названием "Забайкальская осень".

Во время этих праздников забайкальские читатели имели счастливую возможность познакомиться со многими известными прозаиками и поэтами России.

Обо всем этом уже написано и еще будет написано немало. Мне же хочется поделиться наблюдениями о деятельности писательской организации и областной библиотеки им. А.С. Пушкина, которая читателям неизвестна.

Конец августа. В разгаре подготовка к очередному празднику "Забайкальской осени". Писательская организация и библиотека подобны боевому штабу. Звонят телефоны, поступают телеграммы, уточняются списки гостей. То и дело на проводе ответственный секретарь читинской писательской организации Георгий Граубин — "Записывайте срочно: Юрий Рытхэу — г. Ленинград, Илья Фоняков — г. Новосибирск, Вильям Озолин — г. Омск, Анатолий Чмыхало — г. Красноярск, Марк Соболь — г. Москва, Михаил Асламов — г. Хабаровск..."

Записываем, подбираем книги и статьи из периодических изданий, заказываем недостающую литературу из других городов и областей по межбиблиотечному абонементу.

Случается и такое: "Срочно!.." Следует фамилия и город. Просматриваем все каталоги и картотеки — нет такого! Недовольный голос Г. Граубина на другом конце провода: "Как это нет! Всей стране этот прозаик известен, только вам нет!" Нам стыдно за невежество, но что поделать — нет произведений этого прозаика в нашей библиотеке. И снова звонок: "Что, не нашли?! Так вам и надо! Потому как это — не прозаик, а поэт, и не из Томска, а из Новосибирска. Ну очень известный, готовьте список его произведений и хотелось бы пару книг его полистать!"

В конце многочисленных библиографических разысканий оказывается, что это — и не поэт, и не прозаик, и живет он не в Новосибирске, а в Хабаровске, и известен совсем немногим, как начинающий литературный критик, да и сама фамилия у него другая.

Наконец, все подготовительные работы завершены. Списки произведений приезжающих на праздник книги уточнены. В библиотеке им. А.С. Пушкина действует фундаментально подготовленная книжно-иллюстративная выставка, наступило относительное затишье и в писательской организации.

Утро. В комнатах (а располагалась организация писателей в здании управления культуры, что по улице Ленинградской) накурено так, что с трудом просматриваются силуэты. На полу — прошлогодней "Осени" юмористические газеты, картины со стен сняты, в углу кто-то на расстроенном пианино пытается воспроизвести какую-то мелодию. Поэт Ростислав Филиппов, нагнувшись над ворохом бумаг, разбросанных на полу, что-то читает и бурчит: "Во, Чмых дает!" (очевидно Анатолий Чмыхало), "Ай да, Карась!" (скорее всего Рюрик Карасевич). Георгий Граубин, расчистив себе, не без труда, уголок стола, бойко пишет программу встречи гостей с читателями.

На мой вопрос, который я почему-то, пораженная увиденным, задаю шепотом: "У вас, что — погром какой? Завтра же гости!", получаю бодрый ответ: "Начинаем ремонт, приводим помещение в порядок, а если не успеем к завтрашнему дню, — ребята поймут!"

Действительно, к вечеру в управлении культуры запахло краской, известкой, какая-то бригада лениво начала ремонт.

А на следующее утро в писательских комнатах праздничная суматоха, горячие приветствия старожилов "Осени", знакомство с впервые приехавшими, еще очень робкими новыми участниками литературного праздника. И "ребята", действительно, не замечают беспорядок, царящий в комнатах, не до него!

На завтра назначен грандиозный читательский праздник и книжный базар на площади Ленина, вечером литературная встреча в областной библиотеке им. А.С. Пушкина, а на следующий день бригады писателей едут в Акшу и Борзю, Хилок и Красный Чикой.

Быстро пролетела неделя этих незабываемых встреч, и вот уже опустели писательские комнаты, к ворохам юмористических приветствий прибавились новые, картины вновь заняли места на так и недокрашенных и недобеленных стенках (до следующей осени), а в душе и памяти надолго остались эти встречи с большой литературой и эти взволнованные строчки Лидии Либединской:

...Ночь на Читою
Церковь Декабристов...

И эти чуточку грустные прощальные строчки Марка Сергеева:

Все мимо, все мимо —
деревья, дома и щиты,
А ветер такой,
Что неведомо: как его вынести?!
А поезд идет,
все идет,
все идет из Читы,
И все же не в силах
вагоны из осени вынести!

И заключительные строки:

А поезд идет,
все идет,
все идет из Читы,
А сердце в Читу,
все в Читу,
все в Читу
возвращается!

■

«...ДЕВИЦА ЛЕГКОГО ПОВЕДЕНИЯ»

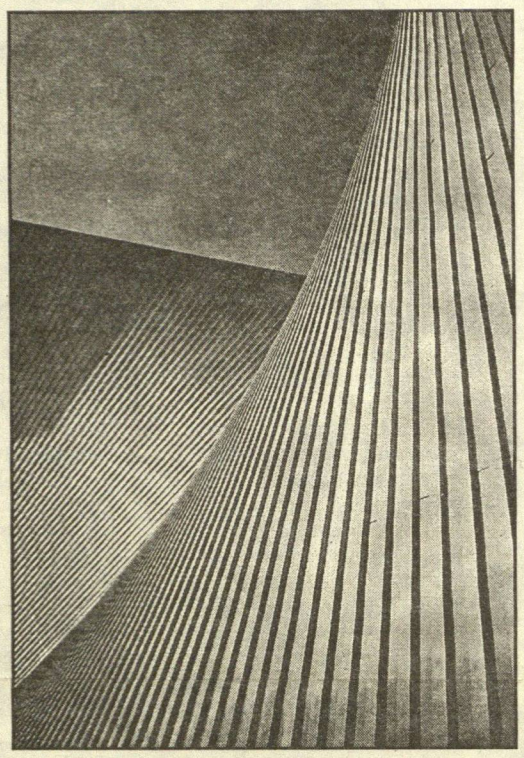
(Окончание. Начало на 1 стр.).

Этот малый храм мог оказать честь любому крупному городу, или стать символом Забайкалья, как символом одного из первых поселений, получивших статус города, — Нерчинска, где триста лет назад был подписан первый русско-китайский договор.

Но нашему местному пласту "культуры хамства", то есть местному разумению "что почем", не по нужде оказался ни древний храм, ни дворец золотопромышленника М.Д. Бутина, местного Саввы Морозова, который, как утверждали его современники, был самым богатым домом Сибири, а, может быть, и всей России. Огромная библиотека, картины Маковского, венецианские зеркала — самые большие в мире и величиной со стену, мюнхенские витражи, как впрочем, и весь каменный Нерчинск, подаренный горожанам, не выдержали веяний времени.

Такие уж мы: либо святее самого Господа Бога, либо партийнее нашего славного ЦК. Быть бедными, сидя на сундуке с богатством, терять душу, несмотря на данную природой генетическую неординарность.

Но ни время, ни страну "не выбирают, в ней живут и умирают..." Это — частица нашей бурной истории, нашей человеческой общности, ее пришлых и местных вождей. И хранит история их деяния и имена в названиях улиц и площадей, в шедеврах местных и иногородних "ваятелей", в разрушающейся естественной среде, ставшей неспособной удержать плоды общественной жизнедеятельности, не желающей помянуть старое, использовать былой опыт. И получается, что "хотелось как лучше, а вышло как всегда..."



Кто виноват? Извечный российский вопрос. Как-то расхохотался целый VII съезд Союза архитекторов СССР, когда было доложено, что за последние 20 лет число архитекторов в г. Чите увеличилось в 50 раз. Впечатляет! Был один, а стало — 50. Но ведь это — полархитектора на 10 тысяч человек. Какие мы рисовали генпланы! Сам Томмазо Кампанелла со своим "Городом Солнца" квакнул бы от зависти. Какой полет мысли...



и прямо в светлое будущее. Впрочем, не долетели. Как, очевидно, не смогли бы 9 женщин родить ребенка за один месяц. Революция есть революция, она против естества.

И старинные российские города, со своими домами дворцового типа, "справедливости ради" поделенные на клетушки, породили новый, как утверждалось, санитарный норматив 6 квадратных метров жилой площади на человека при 5,5 — на кладбище, и это под девизом "Все для человека, все для его блага!"

А сейчас плохо, очень плохо. Твори все, что только сможешь натворить. Разучились считать траекторию в светлое будущее. Теперь идет игра по всему полю, которая называется "Возрождение". Для Забайкалья это очень интересно. Что возрождать? Тюрьмы?

Мы — и родина Чингисхана, мы — и граница двух, даже трех бассейнов Байкальских, Ленских и Амурских вод, мы — вся таблица Менделеева, мы — и трансконтинентальный переход. Мы и властью не обделены, и разными партиями и движениями. Как и всякая очередная власть сотворили новый герб, знамя. И местный Устав у нас есть наподобие Конституции, вот только нет гимна и экономических прав.

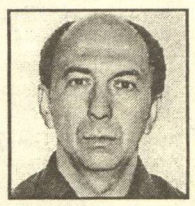
Гимн, очевидно, все вместе сочиним, а вот насчет экономических прав сложнее. Они более присущи столице нашей Родины. В Москве тоже есть наши посланники-депутаты. Изо всех сил ругают родное правительство, некоторые — со сбором подписей простодушного читинского населения для собственной кампании.

Нас это волнует, ведь первая производная экономики — это архитектура, мать благоденствия. Через десятки лет никто не вспомнит ни вождей, ни за что боролись, ни почему бастовали учителя и врачи. Останется лишь след на земле в виде городов и строений, либо безжизненной среды...

Храмы "спаса на картошке" вновь очищают заблудшие души от скверны. А в других храмах бывшего светлого будущего бывшие коммунисты передемократизировались в "новых русских".

Архитектурная недвижимость — одна из крупнейших форм для скрытых криминальных содержаний, мечта налоговой полиции: сколько кейсов стоит дом? Сколько в кейсе денег (ну, хотя бы по весу) и как их пронесли мимо банка и налоговых служб? Потому и архитекторов, особенно городских, стали бить обрезками арматуры по голове. Чтоб меньше думали... И государство со всеми своими властными структурами не в состоянии помешать этому. Полархитектора на 10 тысяч человек опять много для "нового" общества. Так выходит...

А хотелось бы, чтобы потомки о нашем житье-бытье восклицали: "Ведь уложили всего три камня, но зато как уложили!" ■



Алексей Шегера

37 лет своей жизни посвятил развитию градостроительства и архитекутры Забайкалья. Окончил Киевский инженерно-строительный институт. Идеи главного архитектора области по обустройству территории и созданию оптимальных условий проживания людей опережают существующее время.

РАКУРС



ЧИТАТЕЛЬ РЕЦЕНЗИРУЕТ

Мои слова о поэте просты

Каждый раз, перечитывая стихи поэта В. Сажина, я вновь открываю для себя что-то новое, прекрасное: строки о детстве, о тружениках полей и ферм, о красоте мира, о родине. Я ищу в стихах мысль, чувство, образы, не задумываясь о ритме и рифмах. Прекрасное всегда легко ложится на душу. Не только целые стихотворения, но и отдельные строчки:

Молодая заря, как ткачиха
Ситцы красные дарит земле.

* * *

Люблю за речкой на горе
Березки в лунном серебре.

* * *

И вот утес, как зверь усталый,
К реке припал и воду пьет.

* * *

К рубашке щеголя июня
Пришиты пуговки копен.

* * *

Легко прикрыв дождями просинь,
откочевал за речку гром.
На проводах повисла осень
округло-частым серебром.

Тут я искренне хочу сказать: "Остановись, мгновенье!"

Как искренне, тепло сказал поэт о родном доме! При этом я вспоминаю свой дом в зеленой Чувашии, маму — великую труженицу.

Рябинки у скрипучего крыльца,
Черемуха у самого окошка,
Домишко старый нашего отца
И во дворе кирпичная дорожка.
На улице в садочке тополя,
Да яблоня —
их младшая сестренка;
Здесь мы живем —
большущая семья,
Сплошные парни и одна девчонка.
И ничего, что так мала изба,
Что спать порой ложусь я
просто на пол,
Здесь ни к чему обидные слова,
Я в этом доме никогда не плакал.
Когда мы возвращаемся сюда,
С улыбкой мама у калитки
встретит,
Счастливая и добрая звезда
Над нашим домом негасимо
светит.

Для любого человека на всей планете нет ничего милее и дороже малой родины. Особенно это чувство обостряется на склоне лет. Здесь в природе человека заложен какой-то глубокий смысл.

Ведь даже мощи Великих через много-много лет из чужбины "возвращаются" на родину.

Даже птицы, улетая на зимовку в теплые края, все равно весной возвращаются в родные гнезда.

Еще в 80-е годы поэт предвидел сегодняшнее смутное время, неисповедимые пути России.

Но трудна российская судьба,
Не одно, так что-нибудь другое.

Все хотят мирной, спокойной жизни, и я согласен с поэтом:

Пусть вас не тронут больше
беды,
Пусть нива, радуя, шумит.
И я хочу, чтоб утром рано,
Когда в тумане наш утес,
Мы уходили вместе с вами
На ферму, в поле, на покос.

Главное — не терять надежды и пусть всегда будет:

И повсюду машины, машины,
Над дорогами пыль колесом,
Хлеб пошел —
стонут рамы и шины,
Взолотел, от того и весом.

Мои слова о поэте просты. Я с уважением и гордостью говорю: "Он наш" Он всегда с нами в "глубинке".

Коль суждено вот здесь родиться,
Другой не надо мне судьбы,
Познать и боль чужой беды,
И радость жизни: и трудиться,
Любить, как пить и не опиться
Твоей, земля, живой воды.

Читатель И.Ф. МАЛИНИН.
с. Кыра.



Зоя Зелинская

Зоя Михайловна не новичок в жанре рассказа. В ее прозе живет сострадание и доброта, душевная распахнутость и сердечность. Сюжеты рассказов безыскусны и прозрачны.

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ

Нужно было тысяч пятьдесят! Без них не дотянуть до зарплаты. Нина Георгиевна спешила на уроки. Знакомые дома мелькали мимо, не задевая внимания. Забота о деньгах заслоняла все.

Она хмурилась, стараясь придать лицу решительное выражение:

— Необходимо и все тут! — внушала себе. — Это нужно для спасения Павлика.

В памяти всплывала фигурка ребенка такой, как она оставила его сейчас: сонный, тепленький… пожалуй, даже слишком… неужели опять жар? Велела не вставать с постели, обещала скоро прийти с печеньем, которое он так любит… Вот только денег нет и лекарства кончились. Нина Георгиевна пошла в бухгалтерию:

— Нельзя ли до зарплаты хотя бы пятьдесят тысяч?

— Что вы! Сейчас все без денег, касса совсем пуста и неизвестно будут ли поступления в этом месяце! — ответили ей.

После работы шла медленно домой. Павлик ждал и мать, и печенье. Сидел по-турецки на кроватке, мастерил кораблики из газеты. Видя пустые руки мамы — не заплакал, хотя и крепился. Ох, как понимала она его. Пора было привыкнуть — не всегда сбывается то, что мать обещает, но сегодня, после тяжелой болезни, мальчик осунулся, ручки дрожали и горше казалось разочарование.

Нина Георгиевна напряженно, неустанно думала: где взять деньги? Всех знакомых обошла — безрезультатно. Что-нибудь продать? И она вопросительно обводила комнату глазами. Ничего… Разве часы, но как без них на уроках? Да и что за них дадут — старые…

Вдруг посмотрела и — оробела. Над кроваткой сына висел его крестильный крест… массивный, золотой. Взять его? Рука не поднималась, но все-таки взяла: ведь необходимы Павлику лекарства и питание.

Удивленно повел глазами мальчик, поднял руки, как бы защищая, но покорно стих, встретив смущенный и покорный взгляд матери. Понял чутьем — надо молчать. А она, осыпая ласками, говорила так быстро, что казалось, весело:

— Вот, милый мой! Вот умник! Сиди смирно, играй. Теперь я обязательно тебе все принесу, вот увидишь!

Направилась на работу, спешила. Золотой крестик, завернутый в бумажку, лежал в сумке, и ей казалось, что несет на продажу частицу своего Павлика. На уроках старалась не вспоминать, думать о работе, но все-таки хотелось плакать, припасть к кому-нибудь большому, сильному и спросить "Зачем так тяжело?", но пустота окружала ее.

Пять лет назад все было безоблачно и прекрасно. Лились лучи любви и она купалась в них беззаботная, счастливая. Игорь был внимательным, надежным, занимался коммерцией, торговля шла как нельзя лучше. Нина каталась на иномарке и уверенно хозяйничала в его уютной трехкомнатной квартире новой планировки. Все было хорошо… пока не забеременела.

— Ну, это дело поправимое. Есть знакомый врач. Выложу пачку баксов и.. о'кей! — сказал Игорь.

Но она к врачу не пошла: заканчивала институт, подошли экзамены. Вместе с дипломом подарила Игорю Павлика. Отец сделал красивый жест: организовал грандиозные крестины. Повесил на новорожденного массивный крест. В престижном ресторане шампанское лилось рекой…

На этом все закончилось. Ребенка Ниночке пришлось записывать на свою девичью фамилию.

Уроки позади, нужно идти в ювелирный, там принимали золото, правда, по низким ценам. И вдруг рассердилась на себя: ведь не для меня нужно, для Павлика, и двинулась совсем в другую сторону.

В окнах Игоря мелькали тени, гремела музыка. У подъезда стояла знакомая иномарка. День клонился к вечеру. Ветер нес поземку и пробивал насквозь легкое пальто Нины. Там, наверху, заглушая все, хлебывалось веселье, а ее окружала глухая безнадежность и тоска. Женщина призывала на помощь мужество, храбрость и даже нахальство, но не двигалась с места. Трусость, слабость характера, а, может быть, наоборот, сознание собственного достоинства, мешали сделать последний шаг, и она повернула обратно.

В это время веселая компания вывалила из подъезда. С шумом и смехом все устремились к иномарке. Среди неразборчивых возгласов Нина уловила только два слова "Панама-Сити". Мелькнуло хорошо обработанное косметикой, знакомое лицо закадычной подруги Лены.



— Вот кто занял мое место, — подумала с горечью и поплелась в ювелирный магазин. Встав в небольшую очередь, тупо смотрела перед собой, кружилась голова. Кто-то покорно покашливал сзади. Женская фигура интеллигентного вида в черном пальто маячила впереди. Вот дама уже у окошка, не отходит, с робким возмущением убеждает приемщицу:

— Сто тысяч за золотые часы? Покойный муж платил восемьсот…Дайте хоть сто пятьдесят!

…Закинув ручки за голову, полуоткрыв ротик, Павлуша сладко спал. Нежной рукой прикасается ко лбу ребенка. Не веря счастью, что он прохладен, забывая осторожность, жадно целует ручки, закрытые глазки… И задержали ресницы, как оживающие бабочки: ребенок, глубоко вздохнув, проснулся, увидев мать, обхватил тесно за шею:

— Ты пришла?! — она приникла к сладкому, теплому тельцу. Павлик еще сонными глазами, мигая, ищет что-то и, увидев пакетики, ясно улыбается.

Она стоит на коленях у кроватки, жаркая радость поднимает грудь, благоговея, смотрит на пустое место, где раньше висел крестик. И чудится ей, что невидимые лучи льются на них, что покров мира и благополучия тихо обволакивает ее и ребенка. Мысли ее витают вокруг:

— Сынок, дорогой, крестик мой золотой, тяжела твоя ноша, но мне не надо никакой другой…

Через неделю дали зарплату. Нина Георгиевна смогла заплатить за садик, и Павлик с радостью побежал туда. Уж очень не любил сидеть дома один.

В одно из воскресений к ним пожаловала неожиданная гостья. На пороге стояла Лена, одноклассница Нины. Даже косметика не могла скрыть постаревшего лица: нос заострился, глаза лихорадочно блестели. Модный кожан болтался на плечах, как на вешалке.

— Лена, что с тобой?! — изумилась Нина, но гостья, с жадностью закурив сигарету, молча наблюдала, как Павлик сооружал поезд из стульев и табуреток.

— Счастливая ты, Нинка, — наконец изрекла она.

— Здрасте.., нашла кому завидовать, — удивилась та.

— Ты не пошла против природы, — продолжала Лена, не обращая внимания на возражения.

— Я вот за три года сделала пять абортов, а теперь врачи приговорили к бездетности… Тут еще Игорь погорел: собрал паи, поехал в Турцию, закупил дубленки, сапоги… а багаж свистнули. Подельники конфисковали квартиру, машину. Теперь живем в моей однокомнатной хрущевке, грыземся как собаки, а был бы ребенок…

И она закурила новую сигарету.

— Ко мне-то зачем пришла? — настороженно спросила Нина.

— Сама не знаю. Мы с тобой раньше дружили…

— Что было, то быльем поросло, — услышала в ответ.

После ухода гостьи, в комнате стало как-будто чище, светлее. Павлик, оседлав стул, крутил воображаемый руль и с шумом мчался в необозримое будущее. Мать, наблюдая за ним, улыбалась.

— Сама, сама выращу сына. Только бы не задерживали зарплату!

■

Саня, швыряя свои непослушные ноги, ковылял вверх по Кайдаловой к лыжной базе, где обучались вождению инвалиды на мотоколясках. Когда дотащился до своей группы, сидящей на траве под соснами, присел к своим приятелям — Андрюхе и Мише.

— Привет, пацаны!

— Привет, коль не шутишь! — ответил Миша.

— Скоро закончим и домой! — сказал Андрюха. — Я после курсов получу мотоколяску и погоню в Кыру своим ходом!

— Первый раз за рулем, и за четыреста верст?

— А кого бояться? Лето, в машине тепло, а чо случится — дальнобойщики всегда помогут!

Группа сидела, окружив руководителя, — Михеева Анатолия Тимофеевича, и отвечала на билеты ПА-ДЭ-ДЭ, маленькие машинки разъезжались по листам схем.

Давно ли начались курсы, а уже скоро и экзамены!

Подъехала мотоколяска, помигав правым поворотом, и, содрогнувшись нутром, замолчала. Пахло теплом, бензином и пылью.

Открылась дверка и сначала вылезли костыли, а затем их хозяин, и довольный потопал в группу.

Наступила долгожданная минута — ехать Сашке!

— Ну, будем делать первые прокатулечки! — весело осклабился инструктор, когда Саня сел за руль. — Не торопись! Включай зажигание и потяни рычаг запуска стартера!

Машина запрыгала по корням сосен.

Санька, мгновенно вспотев, впился глазами в дорогу и в каменной позе проехал весь маршрут.

Вообще-то, мотоколяска типа "подарок Гитлера" сработана по-советски топорно, но ненадежно! Вся пыль, которую она поднимает, всасывается турбиной и щедро посыпается на двигатель, — пыль мохнатая и теплая толстым слоем лежит везде, даже за воротником и на зубах!

Поэтому мотоколясочники всегда грязные по пояс.

Но для инвалидов все-таки машина.

Бежит под пятьдесят, если под горку, а если ее спустить с горы Арарат, то и под сто побежит; она визжит, как ТУ-104 и даже крыльями машет; через лужи прыгает, как лягушка, — только лапти отряхивает; лазит чуть не по стенкам, как клоп, и сама на клопа похожа; а на повороте аж на два колеса встает, — можно "фигурку" крутить!

— Двигатель бы ей от "Урала" — цены бы не было! Никакая ГАИ не догонит! — вздыхают старики-шофера.

Пожилой фронтовик, отруливший всю войну, навалился с вопросами на молодняк:

— Что будешь делать, если легковушка заглохла на переезде?

— Запущу двигатель и съеду.

— А если двигатель не запускается?

— Проеду на стартере.

— А если сел аккумулятор?

— Попрошу прохожих столкать?

— А если нет прохожих?

— На переезде есть дежурный — ему закричу.

— В будке никого нет!

— Ну, тогда красную тряпку в зубы и поползу навстречу поезду!

Посмеиваясь под эти байки, все с интересом провожают взглядом очередного курсанта на трассе. Скоро у каждого будет такая моторикша и каждый прикидывает, какой гараж-сарай ей слепить.

Деревенские уже соображают, как прицеп приспособить, чтоб сено возить.

Вдруг одна из мотоколясок, дико взревев, с места скачками рванулась на сосну и, боднув ее правым крылом, призадумалась — притихла.

Кто попроворней, кинулись к ней. Старенький дед-фронтовик сидел за рулем с выпученными стеклянными глазами и не мог разжать руки на секторе ручного газа.

— Че, дед, опять схватки начались? — мрачновато поинтересовался инструктор. — Ты мне на экзамене так не вруби, я же не буду для тебя эти сосны убирать!

— Черт с ним, на складчину сбросимся! Пусть бегут!

Русская складчина — дело лавинное!

Очередная мотоколяска уже пошла вниз за вином и вскоре вернулась с противотанковой "Портвейн", аж три семерки!

Бежать — до большой сосны и обратно. Старшой проверил трассу, протез весело пищал под его грузной фигурой!

Ребята изготовились на старте: Коля налег на костыли, Саня франтовато оперся на трость, Миша деловито додавливал окурок.

— Готовы? Пошел!

Старшой махнул рукой, и ребята рванули вперед.

Первым вырвался вперед Миша и заплюхал задницей по земле. Он подавал такую пылевую завесу, что скрылся за ней. Саня и Андрюха, хватая ртом черный воздух, вдогонку.

Земля тряслась, раскачивались сосны в глазах, хрустели шишки и оголялись коренья — все мешало и препятствовало бегу!

— Вперед — к победе! Стакашок ждет!

Колина спина маячила у Сани впереди — он швырял свое тело на костылях быстрее, чем бы хотелось Сане — он на трех ходулях не успевал за ним.

Вдруг колины костыли разъехались сразу на двух шишках — он завис над землей и клюнул носом в хвою.

Саня с радостно-победным бандитским свистом кинулся на обгон.

До сосны — уже рукой подать, а навстречу, уже обогнув сосну, гигантской лягушкой скакал Миша, поднимая за собой уже двойную пылевую завесу.

— Привет, Санек!

— Ах, ты, змей переодетый! Сбрось газок — пыли поменьше!

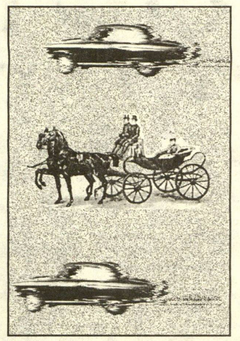
— Ух, ты, какой хитрый! — и Миша исчез в облаке пыли.

Не добегая до сосны, Саня нечаянно наступил на шишку и кубарем покатился в обратную сторону… под ноги Коле, который уже "висел на хвосте".

Подкат был неожиданный и удачный — Коля с грохотом и матюгами повалился на Саню вместе с костылями.

Валентин Марков

БЕГ



Они сцепились, как два неуклюжих гигантских паука, — сопели и переругивались, а расцепиться не могли. Наконец, расползлись в разные стороны и, кряхтя и отплевываясь, стали вставать на ноги, но шишки не давали им подняться, словно кто-то их нарочно подсыпал под руки и ноги. Наконец, почему-то враз они быстренько побежали.

Опять Коля обогнал Саню и, швыряя тело на костыли, взмахами стал уходить вперед. Вот он уже обогнул сосну, но запнулся об корень, коварно спрятавшийся под хвоей, и встал раком, раскидав костыли.

Пока Коля нашаривал свои костыли, Саня быстренько его догнал, на повороте сбросил скорость, включил пониженную передачу, снисходительно обошел его слева и припустил к финишу.

Наученный горьким опытом, Саня бежал зигзагом или челноком, как легавая собака, обегая опасные холмики из хвои. Снова Колино дыханье захрипело за его спиной.

— Чаду-у-у!..

Но Саня и так до полу притопил газульку! Быстрее бежать он не мог и "летел", стреляя пуговицами!

Вдруг, к ним под ноги, как под танки, с радостно-нецензурным лаем кинулся Шарик, домосерный пустолайнер, молодой, но увесистый щенок!

Собаки не любят костыли — тем более бегущие!

— Тоже мне "панфиловец", "микрокамикадзе"! Скотина — пнуть бы его по мордасам, да схлопочешь врага народа! — бормотал Коля, стараясь уклониться от радостной встречи.

А на финише Миша уже закуривал папиросу черными от сажи руками, похоже, что он без натуги взял эту дистанцию, словно всю жизнь только и бегал на перегонки.

Тем временем щенок, не мешкая и радостно сатанея от безнаказанности, повис на гаче Колиных штанов и так и въехал на нем за финишную черту. Запнувшись и не удержав равновесия, Коля добавочно ахнулся в пыль, прямо под ноги Ивану.

Перестав мельтешить костылями, Коля стал неинтересен щенку.

Саня же еще двигался, шатаясь, пыхтя и отплевывая хвою и представлял для щенка добычу, которую можно потрепать и она даже не обороняется. Щенок без промедления повис на левой штанине саниных штанов:

— Фу! Цыть! Пошел вон! Нельзя! Уйди, пух! — щенок оглох и, сжав зубы, мотал башкой, пытаясь содрать штаны с возмутителя порядка. Наконец, опытным приемом щенок все-таки сдернул штаны с Сани до самых колен и свалил с ног в полуметре от финиша — за черту. Саня уже вполз, поддерживая штаны. Щенок трепал его гачу, мыча от благородной собачьей ненависти!

Саня оторвал от себя этот увлекшийся кусок овчины за шкирку и с величайшим наслаждением швырнул в сторону!

Старики лежали на траве, булькали и всхлипывали от смеха, и вытирали слезы.

— Хватит! — тонким голосом простонал дед-фронтовик, держа в руках свою челюсть, — дайте хохотальник вставить, а то язык себе откушу!

— Тоже мне фронтовик! Сам же захотел остренького! — ребята сидели, подтрунивали друг над другом и над дедом.

— Миша, ты скорлупу-то из штанов вытряси — там теперь все всмятку!

— А ты не понял — я на них, как на подшипниках катился! Так что все путем!

— Ну, пора, детки, обмыть результаты! — закончил прения старшой, откупорил "Портвейн" и кровавое вино обагрило дно кружки. Первым осушил Миша, а затем Коля и Саня.

— Правда, есть небольшие нюансы — за руль я вас сегодня не пущу, но для цивилизации на земле это не имеет никакого значения! — почему-то посерьезнев, сказал старшой, — но вечером мы можем продолжить чаепитие!

Небольшая активная группа быстренько сообразила на три "партейных", и во главе с участниками забега поковыляла на базу.

Через некоторое время разухабистая "Обломилась доска…" донеслась, приукрашенная разливистым баяном.

Лес благодарно застыл, слушая песню, и только верхушки деревьев поминающе кивали друг другу.

— Паря, как браво поют! Как ладошкой по сердцу гладят! — задумчиво проговорил дед-фронтовик. — Пойдемте погудим с ними! Когда еще такой случай подвернется?

■

Виктор Домбровский

ЧУДОВИЩЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ

В последние годы короткий сон сменялся изнуряющими бессонницами. Он просыпался в три, реже — в четыре часа ночи, и больше уже не засыпал.

Пил крепко и часто, как все российские шестидесятники века прошлого и нынешнего. Трудно сказать, отчего дружно пили разночинцы, но совершенно очевидны истоки повального пьянства детей оттепели — они объединялись Хемингуэем и Ремарком, и вместе с их героями обливались виноком по руль ноль семь, которое вполне заменяло виски и кальвадос…

Разбудил его звонок в дверь и пес, которого за неприличную доброту и ласковость назвали именем первого главаря чернорубашечников Рэмом. Жена уже ушла в клинику к своим больным, дочь — в институт, теща — в лавку. Вставать пришлось самому, что оказалось делом почти непосильным, поскольку доза похмельности оказалась трудно поддающейся описанию. Проклиная архитектора, придумавшего километровые коридоры, предлагая лающему кобелю издохнуть без покаяния, он доплелся до прихожей, неверной рукой расписался, получил телеграмму, бросил ее на столик и устремился на кухню, где по его подсчетам "было". Оно и было.

— Это что ж такое,—набирали обороты его утомленные жернова, — это когда же перли на восьмой этаж телеграмму при хронически неисправном лифте? Неужели проспал долгожданный приход развитого капитализма?

Резво рванул в прихожую, схватил телеграмму… "Мама умерла двадцать седьмого похороны третьего".

Бегая по городу в поисках денег, а их было нужно порядочно, он изрядно нагрузился. Другого могли в самолет и не впустить, но он был человеком достаточно известным, и девочки аккуратненько загрузили его в салон первого класса, где он сразу задремал.

Странно, но за весь десятичасовый полет он не вспоминал о матери и, как бы, плохо понимая куда он летит и по какому поводу, размышлял о событиях вчерашнего дня…

…Они проработали вместе восемь лет и не замечали друг друга. Он видел эту красивую эффектную крашеную брюнетку, знал, что у нее есть дочь, что живет она с матерью скудно и трудно, словом, знал то, что и должен знать о своем сотруднике хороший начальник.

Они ринулись друг к другу вдруг, очертя голову, ни с кем и ни с чем не считаясь, никого и ничего не видя и не слыша. Он был почти вдвое ее старше, она — моложе его старшей дочери. Жена все видела и, как всегда, молчала.

Подошло время отпуска, и они рванули на Байкал, хотя для отдыха похоже, рановато. На турбазе они оказались единственными, но было ощущение настоящего медового месяца.

Они вернулись с Байкала в свой жаркий и пыльный город: у нее продолжался отпуск, на него навалилась работа.

Тишина в его доме становилась все тягостнее. Они проводили безумные ночи в квартирах друзей, на работе, в гостиницах и вообще черт знает где. В редкие ночи, которые он проводил дома, его по-прежнему мучила бессонница, и он раз за разом до отупения перечитывал Нагибинский рассказ "Срочно требуются седые человеческие волосы", который так его потряс в студенческие годы, что он сделал по нему курсовую. Это могло бы стать настоящим спектаклем, но не стало только потому, что он никак не мог понять финала. Не понимал он его и сейчас, хотя смутно ощущал, что в этой истории есть что-то для него необходимо нужное…

Весной он купил недорогую дачку, на которой она каторжно трудилась днем на грядках, а ночью с ним в постели, где оба существовали ненасытно, как в последний раз. На грядках он ей был не помощник, поскольку вообще не любил землю, а тем более, работу на ней.

Осенью они собрали урожай и на этом все кончилось. Он по-прежнему приносил ее дочери гостинцы, она принимала его почти официально, и однажды сказала: "Не приходи. Я тебя бросила".

Как все мужики, пользующиеся успехом у женщин, он решил, что это — очередной заскок, хотя, пожалуй, слишком уж длительный. Он снова стал пить крепко и часто…

Как-то они случайно встретились в баре, немного выпили, и она, наклонясь к его уху, сдавленным шепотом, почти униженно попросила: "Сделай так, чтобы мы оказались в том доме, где провели свою первую ночь. Одни".

В квартире друга они разделись, сели за стол. Он понял, что это ночь ее выбора, что обрыдла жизнь в одной комнате со старухой-матерью, не очень любимой дочерью, что ей хочется "покрыть голову", что тяжко ей без мужского плеча. Он понял, что у нее появился другой, тот, в котором она видит свой шанс, и …решил ей помочь.

Он заглатывал стакан за стаканом, и хотя его не пронимало, он прикинулся мертвецки пьяным и упал на кровать. Она походила вокруг, сказала "ну что ж", оделась и ушла. Он понял — не домой. Это было совсем все. Нелепо и коряво…

В Москву прилетел в двенадцатом часу ночи. Аэропорт был уже пуст, он взял на утро билет и остограммился у стоечки. Он еще так и не осознал куда летит и по какому поводу.

Домой — (а это всегда называлось так) хотя он ушел из дома почти сорок лет назад, а в этой квартире вообще бывал только наездами—пришел мрачный. Его встретил согбенный отчим, сестра с мужем и дочерью, две двоюродные сестры, приехавшие из Москвы, какая-то тетка — похоронная активистка.

Его провели в большую комнату, где в гробу, обряженная по-христиански, чистенькая, аккуратненькая лежала его мама. Только теперь до сознания дошло, что случилось. Он судорожно зевнул, как всхлипнул, покачнулся, однако удержал равновесие и ушел в кухню — их любимое с мамой место.

Потом ему рассказали, что умерла мама в одночасье, от обширного инфаркта, который в старину называли разрывом сердца, что весь день она провела на ногах и приготовила обед, что из дому ее не увозили, что нашли какого-то очень хорошего и дешевого бальзамировщика, и потому в доме совсем нет запаха, хотя она уже лежит третий день, что все дела уже справлены, что мама завещала ему сберкнижку, что похороны послезавтра и что хоронить будут на Шиловском кладбище… Его ждали со страхом, опасаясь, что при измордованном сердце недалеко и до второго покойника. Между ними всегда была некая связь, которую, если бы он верил во все эти благоглупости, можно было бы назвать телепатической. Они всегда знали, не чувствовали, а знали, что происходит с другим, и телефонный звонок раздавался тогда, когда это было необходимо — по Екклезиасту — не раньше срока и не позже срока, но точно в срок. Иногда, когда его дела были не слишком хороши, он пытался ей врать, хотя точно знал, что эти номера с ней не проходят. Знал, что через неделю после того, как он отправит письмо, раздастся телефонный звонок и он услышит прокуренный бас, за который друзья звали ее Василь Макарычем, и маменька ему скажет: "Что, сынок, до того скурвился, что уже и мне смеешь врать?" И последует категорический вызов на отчет. Он попытается что-то сказать про десять часов полета, про сто рублей в одну сторону (боже, когда это было!), про страшную занятость на работе. Маменька все это выслушает, и тоном, недоступным даже Высоцкому, молвит: "Я сказала".

Он суетливо изобретал себе командировку в Москву, а через несколько дней подъезжал к городу своей юности, дрожа от дорожного похмелья, то ли от неловкости предчувствуемого объяснения, а, пожалуй, более всего, от жалости к себе, любимому.

Сначала они хорошенько тяпали под Лукуллову роскошную закусь и причитания подвыпившего отчима, потом ослабевший старик удалялся к товарищу морфееву, а он и его мама усаживались на кухне, о которой она всегда говорила, что лучше бы ей дали квартиру из трех кухонь. Под тихое тяпанье и кофеек, собственноручно смолотый и заваренный, он исповедовался.

— Ну и ладно, — ответствовала мама, — а я-то уж угоревалась, что все у тебя распрозамечательно: и влюбляться ты разучился, и душа у тебя ни об чем не болит, и даже, упаси господи, пить да курить бросил…

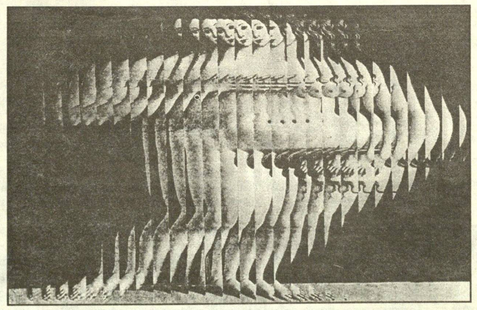
Но вот стали стекаться молью траченые соседи — всем за восемьдесят да под девяносто, по преимуществу старухи-вдовы, отставники были при форме и регалиях, что придавало обряду некую сиротскую помпезность.

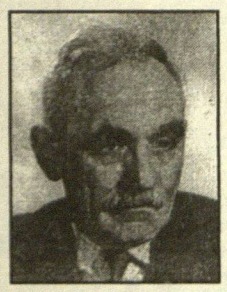
Он видел и военный оркестр, и взвод почетного караула, и многочисленные подушечки с орденами, количеству и качеству которых позавидовал бы любой нынешний "паркетный" генерал, видел, как выносили гроб, но все это проходило мимо его сознания…

На обратном пути в самолете он посасывал коньяк из плоской бутылочки и вспоминал о том, что на кладбище к нему подошла девчушка лет двенадцати, явно ничья, появившаяся неведомо как и почему и объяснила, что она из школы, которая шефствует над ветеранами этого "рыйона". Она так и выговорила: "рыйона", и он сразу вспомнил свою пионервожатую сорокалетней давности, которая говорила точно так же. Девочка, как она гордо бегала по старухам-соседкам, похваляясь, что ее сын для нее что хочешь из-под земли достанет, и, кажется, только после этого старухи его зауважали…

И еще знал, что его ждет бесконечная бессонница…

■





Григорий Шелест

В сентябрьском (1996 г.) номере "ЧЛ" были опубликованы письма К. Симонова к Г.И. Шелесту. В продолжение этой рубрики предлагаем переписку Г. Шелеста с Юрием Душеновым, сыном одного из героев его рассказа "Самородок" и с писателем К. Симоновым. После публикации в газете "Известия" рассказа "Самородок" в 1962 г. неожиданно откликнулся и написал Шелесту сын Душенова, который много лет ничего не знал о судьбе своего отца. (Позднее увидел свет еще один рассказ Шелеста из цикла "Колымские самородки" — "Похороны Душенова"). По сохранившейся переписке Юрия Душенова с Шелестом мы не знаем, состоялась ли встреча автора с сыном своего героя. Но вот еще одно письмо — письмо К. Симонова к Георгию Ивановичу, отзыв на рукопись "Колымских самородков", которую Шелест отправил Симонову для подготовки к печати. Судя по этому письму, встреча Шелеста с Юрием Душеновым все же состоялась. Переписка Душенов — Шелест и Симонов — Шелест как бы пересекается в одной точке — в судьбе отца и сына Душеновых. Мечта Симонова о новом рассказе Шелеста — рассказе о Душенове-сыне — не сбылась. Георгий Иванович просто не успел его написать. Рассказа нет, но пусть читатель узнает об этом хотя бы из писем, хотя бы и через 34 года.

Копии писем подготовлены членами школьного краеведческого кружка Дровянинской средней школы (рук. Калашникова О.М.) по материалам Читинского государственного архива.

НЕСПЕТЫЕ СТРОКИ



Константин Симонов

15.11.62.
г. Ленинград

Уважаемый Георгий Иванович! К Вам обращается Душенов Юрий Константинович. Только сегодня получил из Москвы от мамы Ваш адрес. Я почему-то думал, что Вы живете в Москве и надеялся, что мама сможет с Вами повидаться и лично поговорить. Мне, конечно, очень трудно описать мое состояние после того, как я прочитал ваш рассказ "Самородок", опубликованный в "Известиях". Прошло четверть века с того времени, когда я, пятнадцатилетний мальчик, видел в последний раз своего безумно любимого, дорогого, незабвенного папу, отца — командующего Северной флотилией, затем Северным флотом, депутата Верховного Совета СССР, бывшего матроса крейсера "Аврора", флагмана 1 ранга Душенова К.И. О его судьбе я и моя мать Адель Карловна знаем немного и недостоверно. И тут появляется Ваш рассказ, не претендующий на историческую достоверность. Я все же и по сей день сильно волнуюсь: ведь не может же быть такого случайного совпадения фамилии и занимаемой должности "на воле": Василий Душенов с фамилией и должностью К.И. Душенова. Убедительная просьба не отказать в любезности и сообщить мне, что положено в основу Вашего рассказа. Ко мне обращаются очень много людей с такими же вопросами, тем более, что я служу в Военно-Морском флоте, капитан 3 ранга. Не знаете ли ВЫ, может быть, в редакцию газеты поступали какие-нибудь вопросы или письма, которые проливают свет на судьбу Константина Ивановича Душенова. У меня к Вам, конечно, еще очень много вопросов. И если окажется, что Вы сможете мне рассказать о моем отце, то я, конечно, несмотря на то, что Чита далеко от Ленинграда, обязательно смогу побывать у Вас и лично переговорить обо всем. Я и мама (и, конечно, вся моя семья — сын Константин и жена Наташа) с нетерпением будем ждать от Вас короткий или длинный ответ.

С искренним уважением
Ваш Юрий Душенов.

Ответ Г.И. Шелеста Юрию Душенову

Дорогой Юрий! Я никогда не думал, что мой рассказ вызовет такой резонанс, тем более, найдет родных Константина Ивановича.

Прежде всего — почему в рассказе Душенов назван Василием? Простая причина — память. Она не всегда помнит все, что случилось, имена, даты. С твоим отцом меня познакомил в Архангельске Вл. Иванов или Дм. Конторин (секретарь Севрайкома). Знакомство было мимолетным. Знал, что он будто матрос с "Гангута", сейчас комфлотилией. Произошло знакомство официального порядка.

В 1937 году, в августе, как сейчас обтекаемо говорят, меня репрессировали. В 1938 г. "судили". Потом я попал в Севдвинлаг, после в Севжелдорлаг, Печорлаг, политизолятор в В-Уральске. В 194.. г. меня привезли на Колыму. И там я попал в СВИГЛ (Северо-Восточный ИГЛ). После почти годичного содержания в одиночке я был депрессирован, истощен и только думал: "Когда же кончатся мои муки?" А муки только начались.

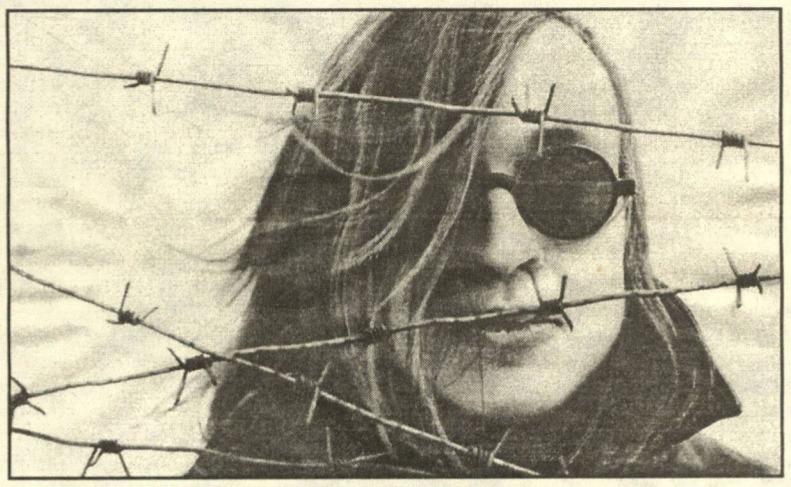
На Колыме меня затолкали в лагпункт, номера которого сейчас не помню и места, где он расположен. И на этом лагпункте я встретился с твоим отцом. Я хотя и был в последней степени какого-то равнодушия, но потихоньку стал узнавать, есть ли кто на лагпункте из коммунистов. И просто по какой-то счастливой случайности попал в звено Душенова. Оно занималось старательской добычей золота. И вот тогда я вспомнил фамилию Душенов и ужаснулся — неужели и он попал? Звеньевой оказался тем Душеновым, с которым когда-то познакомили меня. В звене нас было четверо. Оно считалось слабосильным. У меня ранена левая рука, и я был придан звену помогать возить воду, жечь костры. Работа была чертова, выбивали только пайку, баланду и овсянку. Одеты мы были в ватные чулки, чуни, бушлаты, ватные штаны, все засаленное, грязное, пахнувшее хлоркой. Пили противоцинготное — хвою. Спали на нарах, на матрацах, набитых стружкой или мхом. Не у всех были одеяла, накрывались бушлатами. Носили номер на спине и на левой штанине. Жить было страшно, нерадостно. Днем работа, вечером при коптилке тяжелый отдых. Клопы, грязь, обыски. Всяческие издевательства от начальников и от "друзей народа" — блатных. Но мы жили и работали. Я, вроде, отдышался после одиночки. Движение, общение с людьми постепенно оздоравливали психику. Было голодно, но можно было говорить, мечтать, вспоминать. Мы работали без отдыха, выходных не было. Отдыхали в сильные морозы, когда конвой не шел. Мы лежали на нарах, наверху теплее, и разговаривали, силились понять, почему так случилось, кто виноват. Но опять наставали рабочие муторные будни, и нужно было идти на развод, на мороз, под конвой собак, по четверке в ряд. Сейчас я читаю о гитлеровском лагере (В. Сруога, "Лес богов") и как он похож на сталинские лагеря!

Да, так, как в рассказе, мы нашли самородок. Верно, что сдали его. Был и Тонких — Пройди-свет. Это сгусток одного нашего дня. Рассказ я назвал "Колымские самородки" — подразумевал под ними большевиков, людей с чистой совестью и жизнью, драгоценных самородков. Да, много всего было в нашей той жизни. Теперь — почему я взял Константина Ивановича в герои своего рассказа? Он поразил меня своей большой убежденностью, стойкостью и преданностью Ленину. В литературе после 20 съезда партии показывают репрессированных после их реабилитации, но не было рассказов о коммунистах, находящихся в лагерях. Как писатель, я специализируюсь на коротком рассказе, и Душенов у меня тот положительный герой в необычных условиях, которые редко кто выдерживает. И еще я хочу показать народу: кого же они осудили? Душенов у меня — снаряд, бивший наповал сталинскую деспотию. Душенов еще рассказывал мне, что он был приговорен к расстрелу, но почему его отправили в лагерь, он не знал. Срок у него был 25 лет с концом в 1963 году. Посылаю Вам оттиск рассказа "Похороны Душенова". Не знаю, увидит ли он свет? Ты меня извини, Юрий, за это бессвязное письмо. Пишу я его с думой: вот я живой, а другие — нет. На этих днях, числу к 23, выяснится, поеду ли я в Москву на Пленум Союза Писателей, тогда встретимся и поговорим. Если у Вас есть фото Константина Ивановича — переснимите и пошлите. Я освободился по реабилитации в 1954 г. Просидел 17 лет.

Рассказ собираются экранизировать — два молодых режиссера в Москве. Разрешение я дал. Ты, Юрий, думаю, будешь им тоже полезен…

Письмо К. Симонова к Г. Шелесту
Москва, 25 июля 1963 года.

Дорогой Георгий Иванович! Получил твою телеграмму. Рад, что моя помощь пригодилась. Я еще раз сейчас перечитал твою рукопись и подумал вот над чем. Книжка получается очень хорошая и нужная, и я готов на этом твердо стоять. Но сейчас, когда еще раз перечел ее, у меня создалось ощущение, что она могла бы быть еще лучше, и еще нужнее, если бы ее дополнить одним заключительным рассказом.



Очень хочется дать какой-нибудь выход в будущее из этой книги. Твои герои потому и сильны, что они считают, что то, что происходило с ними и вокруг них, не может вечно продолжаться, что это должно перемениться, что правда должна восторжествовать рано или поздно. Это чувство присутствует во всей книге, но хотелось бы, чтобы ее завершала вещь, в которой бы это чувство, если можно так выразиться, было бы персонифицировано, поднято не только через размышления, но и через образ человека.

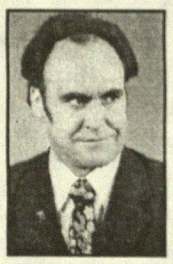
И вот мне вспомнилась наша встреча в Центральном доме литераторов с тобой, с твоим братом и с сыном Душенова. И вспомнилось твое отеческое отношение к этому хорошему, душевно красивому молодому человеку — сыну твоего друга, который рядом с тобой столько перестрадал и на твоих руках умер. И когда я это вспомнил, мне показалось, что если бы ты завершил книгу рассказом о встрече с сыном друга, о встрече, которая тебя обрадовала, потому что парень вырос таким, каким и должен был вырасти сын твоего друга. Вырос сильным, преданным Родине, партии, не сломленным, не согнувшимся. Вырос человеком, провоевавшим в Великую Отечественную войну и сейчас работающим в гуще жизни. Вот если бы об этой встрече написать, о своих чувствах в связи с ней, о своих воспоминаниях в связи со встречей, чтобы отец еще раз прошел — в твоих воспоминаниях при твоей встрече с сыном. И чтобы через этот рассказ с особой силой прошло чувство непобедимости большевиков во всех поколениях, если они настоящие большевики. Может быть, это все получилось бы здорово и было бы прекрасным финалом книги, финалом, который бы, нисколько не сглаживая всего того страшного, что у тебя с такой силой изображено в книге, в то же время как-то еще больше дал заглянуть в будущее, вздохнуть поглубже всей грудью, порадоваться не только за людей, вышедших на свободу, все переживших, все преодолевших и снявших с себя всю клевету, но и за людей поколения молодого Душенова, за таких, как он, за настоящих духовных наследников своих отцов. Его (предполагаемый рассказ — О.К.) можно было бы назвать и "Отец и сын" и "Сын друга" и как-нибудь еще — дело не в названии, а в душевном напоре и в финальном звучании этого рассказа для всей книги. Мой не только совет, а и дружеская просьба написать такой рассказ, написать его во всю силу. И сделать это, не откладывая в долгий ящик. Мне хотелось бы, занимаясь судьбой книги, иметь как можно скорее этот рассказ в руках.

Привет жене. Крепко жму твою руку.

Твой Константин Симонов.

БЕНЕФИС

Равиль Аббясов



Я их очень люблю. Люблю как артистов за многолетнюю преданность профессии, люблю как удивительно добрых людей, люблю работать с ними и просто общаться, люблю бывать у них дома, в маленьких, но удивительно уютных квартирках, где все дышит теплом и потрясающе вкусно кормят гостей их жены — Вера Кузьминична Аббясова и Ада Леонидовна Забелина.

Мне кажется, что оба они: и Равиль Жантимирович Аббясов, и Николай Николаевич Забелин, родились для любви, ибо именно это чувство движет всеми их поступками по отношению к театру, коллегам, семьям. Оба так богато одарены им, что щедро делятся своим неиссякающим даром с окружающими.

Честное слово, я не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них был зол, кричал или ругался, ссорился с кем-либо.

Удивительно, что им уже 70 и 80, настолько много в них творческой энергии и юношеского задора. Как здорово бил чечетку на открытии сезона юбиляр Аббясов, а Забелин накануне круглой даты создал замечательного Простакова в "Недоросле" Д. Фонвизина. Трудно было поверить, что актер, играющий забитого папеньку Митрофанушки, родился еще при Временном правительстве…

Если начать вспоминать, то остановиться будет трудно… В "Чудаках" по пьесе Н. Кузакова Аббясов — потрясающая бабка Дарья. Не знал бы, кто играет, поверил бы, что настоящая старушка, настолько он был правдив в этой роли… Забелин — Сомс в "Моей дорогой Коралии" Ф. Саган. Роль чопорного английского слуги, прямого и застегнутого на все пуговицы. Но вот он подает горюющему хозяину пальто и на обычно непроницаемом лице тоже скорбь — настолько артист сопереживает партнеру по сцене, настолько ощущает его боль как свою…

Написать обо всех их ролях, сыгранных, если посчитать вместе, за сто десять лет работы в театре, совершенно невозможно. Даже для списка ролей понадобится полная газетная страница. Как хорошо, что эти роли помнят зрители, что воспоминания о персонажах часто звучат в стенах театра. Жива, значит, преемственность в нашем коллективе, жива традиция… Я счастлив, что со мной работают Равиль Аббясов и Николай Забелин.

Спасибо вам за дружбу и талант, дорогие наши корифеи, за любовь и преданность делу, за всю вашу жизнь, прошедшую в театре!



Николай Забелин

А зримым выражением благодарности ваших коллег пусть станет вечер "Юбилей корифеев", который готовили мы все вместе!

Н. БЕРЕЗИН,
художественный руководитель
Читинского областного
драматического театра.

Николай Руденец

СВОЯ ТАРЕЛКА

Однажды мне потребовалось выехать в отдаленный район области. Узнав о маршруте и целях командировки, ко мне подошел наш сотрудник и предложил свои услуги. Его звали Цыден, — по национальности бурят. Он хорошо знал суть дела, в котором мне предстояло разобраться на выезде и, вспомнив известную пословицу: "Ум — хорошо, а два лучше", я принял его предложение.

Действительно, вдвоем мы быстро управились и вскоре выехали домой. Тут Цыден признался, что в поездке у него есть и личный интерес. Оказывается, недалеко от дороги, по которой мы возвращались, расположено село, где он родился, там живет его бабушка.

Время было обеденное, когда мы подъехали к его селу и уютному домику, во дворе которого копошилась сухонькая старушка. Цыден обнял бабушку и повел в дом, жестом пригласив меня следовать за ними.

Войдя на веранду, я обратил внимание, что здесь кроме стульев и двухтумбового стола, на котором стояли маленький телевизор, таз с водой и горка посуды, больше ничего не было, поэтому она казалась просторной. Старушка включила "ящик", так она назвала телевизор, посадила меня напротив, Цыдену вручила чайник и отправила его во двор, чтобы он подогрел его на плите, а сама засуетилась по приготовлению экстренного обеда.

Через некоторое время, пройдя мимо меня, она быстро проговорила:

— Сынок, мой свою тарелку и садись поближе к столу. Я мигом поищу в подполье что-нибудь вкусненькое и будем пить чай.

Подполье находилось здесь же, на веранде. Она открыла крышку и нырнула в него.

Некоторое время я сидел озадаченный странным обычаем — мыть гостям свои тарелки. Однако, боясь прослыть невежественным, снял пиджак, надел на себя передник, висевший на спинке стула и, засучив рукава, решил помыть не только себе тарелку, а из уважения к хозяйке всю стоящую на столе посуду. Вода в тазу была теплая и чистая, да и посуда не грязная, но решив, что такая процедура ей не повредит, принялся за дело.

Прервал меня Цыден, вошедший с чайником в руках и замерший столбом у порога.

— Вы что делаете? — наконец выдавил он из себя.

— Тарелки мою. — С чувством исполненного долга ответил я.

Услышав голоса, из подполья вынырнула голова старушки и, уставившись на меня, удивленно воскликнула:

— Я же недавно все перемыла!

— Тогда зачем Вы мне сказали, чтобы я помыл свою тарелку? — опустив руки, вопросительно пролепетал я.

После моих слов Цыден рассмеялся, ему тихо подхихикивала голова бабушки, лукаво глядя на меня, стоявшего с растерянным видом от непонимания происходящего.

Цыден подошел ко мне и, помогая снять передник, объяснил:

— Бабушка так шутит. У бурят лица круглые, вот и зовет она их тарелками, и Вы попали под ее гребенку.

Сослуживцы долго подшучивали надо мной. Перед обедом непременно кто-нибудь, проходя мимо, бросал:

— Мой тарелка своя, — ку-у-сать пора!

НОВОЕ ИМЯ

ШАМАН-ДЕРЕВО

Нина Коледнева

Кто не знает, что эвенки-оленеводы из Чарской долины живут в селении Кюсть-Кемда, что на эвенкийском языке означает "сильнее кто?" Но вот откуда это название пошло, только старики рассказать могут. А дело было так...

В родовом стойбище оленеводов в давние времена заявили о себе сразу два шамана. Сигимулай — очень хитрый, и Сынгылай — сметливый.

Казалось, радоваться бы эвенкам. Добыча на охоте двойная, если сразу два шамана о том духов просят. Так-то оно так. Но... шуму от них больно много. Как бы не накликать в стойбище болезни, — недовольно поджимали беззубые рты старики. Они на своем веку были свидетелями тому, как крикливое племя Дэллянкар[1] вымерло целиком, хотя шаман мог там бесноваться в пляске часами.

Хозяйственные оленеводы опять же терпели немалый убыток от соперничества шаманов. Бьет в бубен Сынгылай, дождя просит. Эвенки ему в дар самого жирного ондачу — впереди идущего оленя — забивают. Дождь льет день, два... неделю не унимается. Земля под ногами в жирное месиво превращается, торбаса[2] в лужах чавкают, вспугивают куропаток. Не добудешь корму. Эвенки кидаются к Сигимулаю, чтобы тот выручал их из беды. Сигимулай соглашается. Творит заклинания, разгоняет тучи. Но взамен требует пожертвовать важенку-олениху — из домашнего стада. Не заколешь, ослушаешься, грозит долгой засухой. Тоже плохо, олени от кровослезки[3] погибнут.

Совсем обеднели эвенки, невмоготу им стало сразу двух шаманов держать. Посоветовались и отправили к ним старейшин рода. Старики предложили шаманам помериться силами. Кто победит, тот и останется с ними в родовом стойбище.

— Ох-хох-хох! Хуга-хуга![4] — Сынгылай забил в бубен, запрыгал вокруг костра. Разъярилась вьюга. Ветром повалило изгороди в загонах. Олени все разбежались. Что делать?

Сигимулай обратился с мольбой к Тангаре, духу гор: "Приходи на помощь скорей, притяни снеговые тучи. Обуздай злой ветер".

Тангара послушался. Сомкнул теснее скалы, зажал ветер в ущелье, заставил тучи просыпать весь снег на вершины гор. Пурга стихла.

Эвенки обрадовались, отправились на поиск домашних животных. Но не все досчитались важенок, и половина телят пропала, их волки загрызли. Горько заплакали эвенки. И так еды не хватает, а без оленей совсем худо будет.

Тогда старейшины остановили состязание шаманов. Предложили им сойтись в открытой схватке. Скинули оба шамана верхнюю одежду, сотворили заклинание и превратились в медведей. Встали на задние лапы, взревели в две глотки и сплели лапы. Набычились, шеи кровью налились.

Сынгылай клонит соперника, вот-вот оземь ударит. Сигимулай пыхтит, угрем вьется, но видит, не совладать с противником, не выскользнуть из его лап — мощных тисков. Оборотился тогда пламенем. Жаром обдало Сынгылая, уже волосы огнем занялись. Разомкнул он смертные объятия, в сторону отскочил. Но отступать не собирается. Собрал силы, сотворил заклинание и дождевой водой пролился над местом схватки. Потушил огонь.

Видит Сигимулай: опять его дело плохо. В громадный каменный валун оборотился. Сынгылай так и эдак подступался, не столкнуть его с места. Долго голову ломал, как противника одолеть. Придумал. Стал ростком стланика, пустил побеги на валуне.

Валун — крепкий, словно резцы у рыси, а растеньице слабенькое, как новорожденный голый щенок. Но цепкое, за жизнь держится. В любую расщелину корешки пускает. Малопомалу стланик расщепил гранит. И вот валун раскололся, рассыпался прахом. Но и Сынгылай, видно, не рассчитал силы, не сумел вернуться в прежнее, покинутое им тело. Остался навеки стлаником.

...Со временем эвенки заметили: не обычное это растение. Перед наступлением лютых холодов стланик ложится ветвями на землю, будто предупреждает оленеводов о грядущей бескормице, учит силы беречь. А отвар из коры и хвои стланика помогает от ломоты в костях, облегчает простуду и другие недуги.

Эвенки почитают стланик, как никакое другое дерево. Советуются с ним о сроках кочевья. Роженицу кладут на лежанку из ветвей стланика, это сулит легкие роды. Варят из его коры целебные настои. И отблагодарить растение не забывают. Повязывают его ветви красными ленточками, кусочки жирной оленины жертвуют, деньги под ним оставляют. Считают своим шаман-деревом, покровителем оленеводов.

[1] Дэллянкар — не в меру голосистый, крикливый (эвенкийский яз.).

[2] Торбаса — обувь из выделанной оленьей кожи. Считалось, что в такой обуви человек не знает усталости, подобно оленю.

[3] Кровослезка — олени сухим мхом и травой-сухостоем повреждали кожу у копыт, и кровоточили.

[4] Ох-хох-хох-хуга — восклицание (эвенкийский яз.).

■



Пишущая братия хорошо помнит юную Нину, начинавшую карьеру журналиста в молодежной прессе. А сегодня она пишет прозу для детей.

Людмила Мутовина
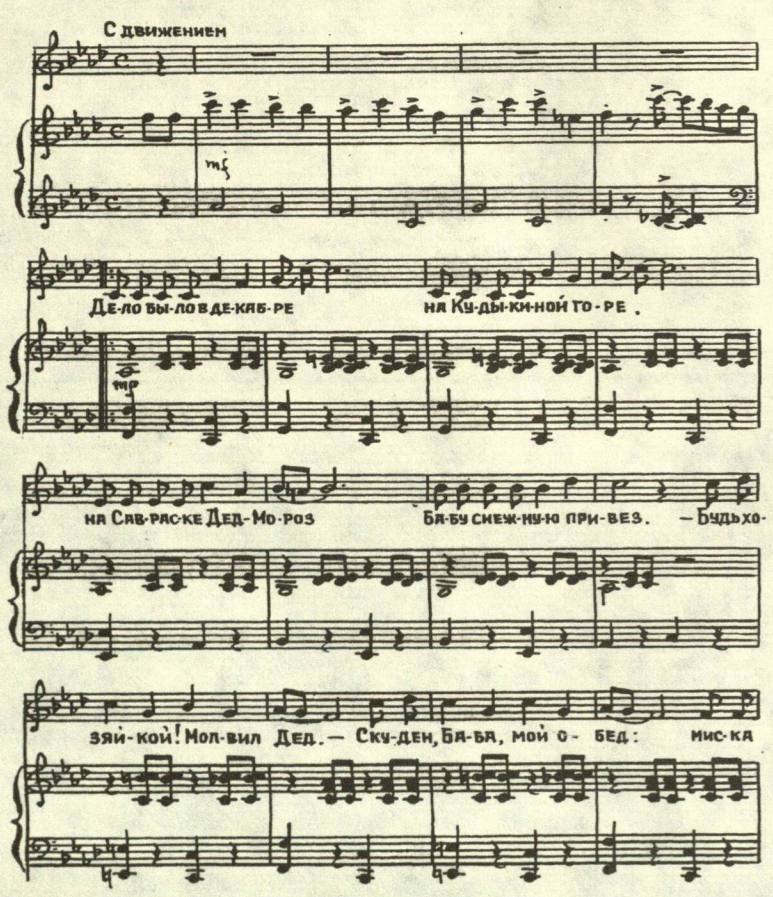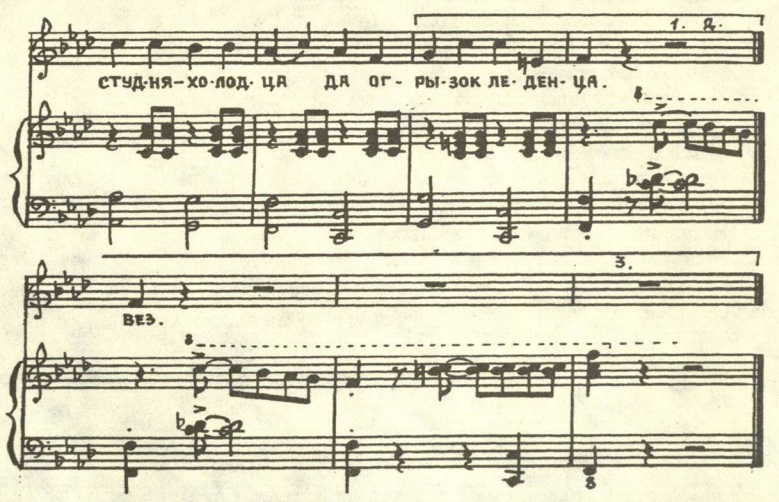


НЕ СПИТСЯ

Душно. Не спится
Открыла окно.
Слушаю города звуки ночные.
Песня по радио группы "Кино"
...Жду со свидания дочку впервые.
Возгласы, смех.
Звонкий стук каблучков
Весело пляшет меж стен и дробится.
Первая — как ты прекрасна — любовь...
Дочка влюбилась, а мне вот не спится.

ВСТРЕЧАЮ

Я всегда приезжала сама.
А сегодня впервые встречаю!
И бегут мне навстречу дома.
Под собой ног от счастья не чаю.
Чтобы время убить, кофейку
Мне сходить бы да выпить в буфете.
Только денег в кармане — ку-ку!
Нынче цены растут, будто дети.
Прибывает. А путь-то какой?
Кто-то крикнул: "На первый, на первый!"
И со лба пот дрожащей рукой
Вытираю. Шалят, видно, нервы.
Твой семнадцатый в самом конце.
Но бежать отказались вдруг ноги.
И с отчаянием на лице
Застреваю у всех на дороге.
Наконец добираюсь. Зову.
Дверь закрыта в вагон почему-то.
Может спишь ты?
Любимый, ау!
Мысли скачут и на сердце смута.
Все выходят. Пустеет перрон.
Только я не могу достучаться.
И смеется судьба:
Нужно лезть под вагон.
Дверь с другой стороны в мое счастье...





НА КУДЫКИНОЙ ГОРЕ

сл. Ю. Черных **муз. Л. Аверьянова**

Дело было в декабре,
На Кудыкиной горе.
На Савраске Дед Мороз
Бабу снежную привез.
— Будь хозяйкой, — молвил дед.
Скуден, баба, мой обед:
Миска студня-холодца
Да огрызок леденца.
Напеки ты мне тортов —
Всех названий и сортов!
Я печурку затоплю,
Ты пеки, а я посплю.
Через час проснулся дед...
Ни тортов, ни бабы нет!
Печка топится в углу,
Сохнет лужа на полу.
Дед Мороз туда-сюда,
— Где ты, баба? Ой, беда!
Ты куда ушла, куда?
И откуда здесь вода?
Дело было в декабре,
На Кудыкиной горе.
На Савраске Дед Мороз
Бабу снежную привез.



Михаил Вишняков

Поэт, журналист, эссеист, юморист, спичрайтер, пресс-секретарь, отец, муж, семьянин.

ДРЕБЕЗГИ

ПАМЯТКА ДЛЯ ПРЕСС-СЛУЖБ

- ▽ "Жи-ши" пишется через "и", и это не случайно.
- ▽ Чита-II отнюдь не Чита-I. И наоборот.
- ▽ Областная Дума — орган, не утверждающий бюджет (в 1-ом чтении).
- ▽ Протей не изобретал протеина.
- ▽ Еще не родился тот Тихомиров, с которым бы не судился Канин.
- ▽ Газета "Земля" печатается на газетной бумаге.
- ▽ Багульник цветет весной, "Альтес" — круглогодично.
- ▽ За неимением туалетной употребляют газетную.
- ▽ Дважды два четыре.
- ▽ Граубин — поэт, а Войта — депутат.
- ▽ В. Курочкин — бывший член ВЛКСМ и КПСС.
- ▽ Газета "Земля" — издание для нергалов и нертусов.
- ▽ Не плюй в колодец дважды, дачники этого не любят.
- ▽ Чудна администрация при тихой погоде.
- ▽ Дважды три шесть.
- ▽ Челноки ездят в Китай и товары у них китайские.
- ▽ Читинское радио приятно послушать, "Альтес" приятно погладить.
- ▽ По ельцинской елани сундалой — предположительно, это — Чубайс и Немцов.
- ▽ Медведи не сделаны из меди. Будут после освоения Удокана.
- ▽ Приставка пишется впереди корня.
- ▽ В газете "Чита литературная" не любят нергалов и нертусов.
- ▽ И Василюк носит усы!
- ▽ Памятник Ленину виден с Титовской сопки и из окон городской Думы.
- ▽ Жан Ив Кусто — француз, но какой-то подводный.
- ▽ Кривошип, как Змей Горыныч, всегда оппозиционер.
- ▽ Глава — хорошо, а с заместителями лучше.
- ▽ Заб. ж. д. проверено — масонов нет. Недостатки есть.
- ▽ Пресс-центр УВД известен только в Улан-Удэ.
- ▽ Если ты Андрюк, не подзуживай Войту!
- ▽ Бука и Чача живут в Букачаче, Дуль и Дурга кое-где в Дульдурге.
- ▽ Профсоюзы — школа коммунизма.
- ▽ Независимые профсоюзы — школа капитализма.
- ▽ Областная Дума — орган, не утверждающий бюджет без согласительной комиссии.
- ▽ Язвенники не закусывают лимоном.
- ▽ Бастующие энергетики напоминают "севший" аккумулятор.
- ▽ Бастующие судьи — не севших правонарушителей.
- ▽ Без усов нет Василюка!
- ▽ Коллективный вид Мамаева и Блохина приятен.
- ▽ Хавкин похож на "Знак вопроса".
- ▽ Волга впадает в Каспийское море, Кайдаловка — в трубу.
- ▽ Семь раз отмерь — принцип обрезания.
- ▽ Трезвый поэт некрасив, как побритый Карл Маркс.
- ▽ И в Чите случаются затмения!
- ▽ Мэр в кресло — оно и воскресло.
- ▽ Читинская область изобилует лесами и генералами.
- ▽ Чита имеет свои окрестности.
- ▽ В окрестностях администрации есть управление культуры.
- ▽ Нергалы — забайкальское название нертусов.
- ▽ Вопросительный знак — злейший враг оболтусов.
- ▽ Начальникам свойственны умные подчиненные.

Вишняков Михаил



Семьянин, муж, отец, пресс-секретарь, спичрайтер, юморист, эссеист, журналист, поэт.

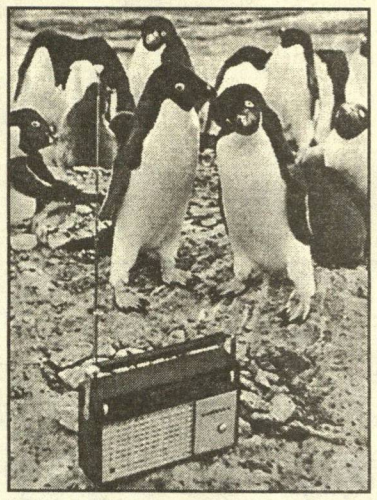
ПРИМИРЕНИЕ ПО-ТУРИНСКИ

Известно, что журналисты "Забайкальского рабочего" в 70-е годы не то, чтобы "враждовали", но остро соперничали и вели конкуренцию с журналистами телевидения и радио.

Однажды, после праздника Троицы, в знойный день две бригады на двух "уазиках" выехали из Читы в Агинское. По трассе, в селе Жимбира, "забрабовцы" Н.В. и Л.К. первыми успели в магазин. Отпустив им две "злодейки с наклейкой" и три бутылки пива, продавец закрыла лавку и "ушла на базу". Телевизионщики М.В., Б.Я. и водитель Костя только облизнулись на замок.

На речке Туринке, где обычно останавливается журналистская братия, "забрабовцы" устроились на самом лучшем месте под тенистой зеленью двух курчавых верб. Опустили бутылки охладить в воду. Развели костерок, поставили котелок.

Не солоно хлебавшие телевизионщики устроились ниже, на пустом плесе. М.В. и Б.Я. стали мочить головы, чтобы придумать как подмазаться к коллегам. Водитель Костя задумчиво глядел в воду.



Не такая уж бурная Туринка, но она, плеснув волнишкой, подняла бутылки и понесла-покатила их за поворот прямо к ногам Кости. Тот мгновенно оценил обстановку, принял бутылки: водку перелил в котелок для чая, а пиво в пустые кинобанки.

Убитые горем "забрабовцы" с полчаса плескались в речке, процеживая каждую песчинку. Смирились с утоплением покупки, потянулись к телевизионщикам. Те сидели, начиная потягивать из котелка, запивая из кинобанок. При виде бедственного положения коллег, смилостивились. Был прием, прошедший "в дружественной атмосфере".

С того дня начальство враждующих сторон не могло понять почему журналистов Н.В., Л.К., М.В., Б.Я. и шофера Костю в Чите называют "друзья-не разлей вода".

ПРИМИРИЛИСЬ...

Известный читинский артист 20–30 годов Николай Вольский был женат дважды. Жены при жизни Вольского отчаянно и зло враждовали, устраивая публичные скандалы, осыпая друг друга изощренными ругательствами. По иронии судьбы или воле тогдашних властей их похоронили рядом с артистом под сенью большой искривленной сосны.

КАЖДОМУ ТАЛАНТУ — СВОЯ ГРАНАТА

Начинающий журналист Геннадий Б-кий на военных учениях выглянул из окопа. Прямо в лоб любознательному юноше прилетела граната. Все в ужасе залегли. Но граната не разорвалась.

После этого случая Г. Б-кий начал писать талантливые очерки, стал известным газетным и телевизионным журналистом. До сих пор мирно проживает в Чите.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ «СГЛАЗА»

Читинского тележурналиста Сергея Жиляева, как рок, преследовала балейская милиция. Трижды бедолага ночевал в вытрезвителе, за что получил партийный выговор.

По трезвому размышлению, Сергей стал для поездки в Балейский район оформлять командировку в Нерчинск. Милицейское наваждение, как рукой сняло.

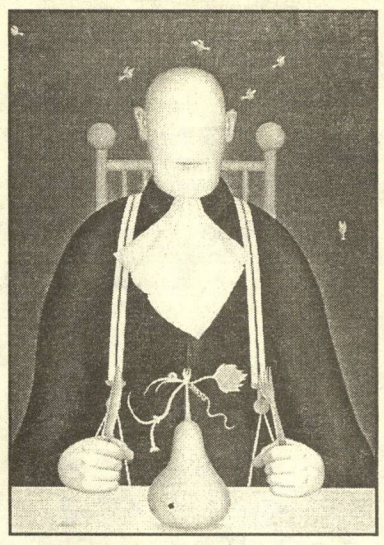
ТАРАКАНЬЕ ОТРОДЬЕ

Забайкальский поэт Михаил Вишняков написал книжку детских сказок и попросил сделать иллюстрации художника Рюрика Карасевича. Художник постарался и выполнил цветные рисунки медовой акварелью. Принес их в издательство. Там устроили акварели на верхнюю полку шкафа. Ночью пришли тараканы и съели медовые краски. Книга до сих пор не издана, а ее авторы при встрече с издателями называют насекомых "тараканьим отродьем".

НАШИ РЕЦЕПТЫ

Жаркое с огурцами "Вечность"

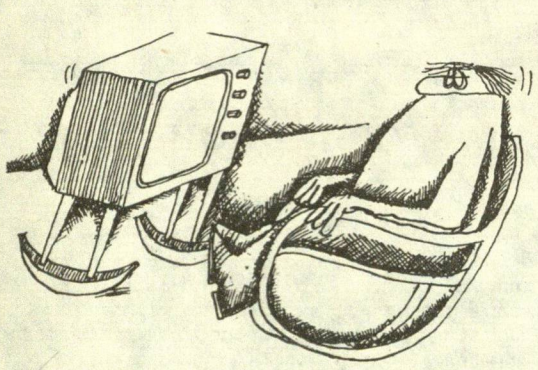
500 гр. говядины нашпиговать ядрами семечек и 30 гр. сала, посыпать солью и перцем. Вымочить в течение 2 часов в кедровом бульоне. Обжарить нарезанный кольцами лук, добавить 30 г. сыра, 200 г. лапши и обжарить на посыпанной сеяными отрубями сковородке. Влить овощного бульона с лавровым листом и гвоздикой, потушить, подливая яичный желток стручком овощного перца. Когда мясо будет почти готово, дать соку выпариться. Мясо вынуть, в сковородку добавить помидоры без кожицы и муку, спассеровать их,

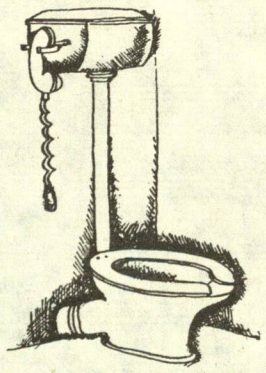


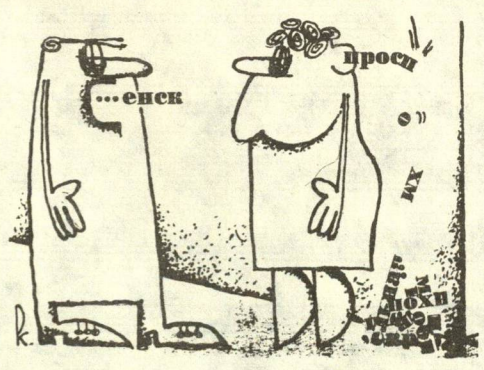
добавить бульон, размешать, прокипятить и процедить.

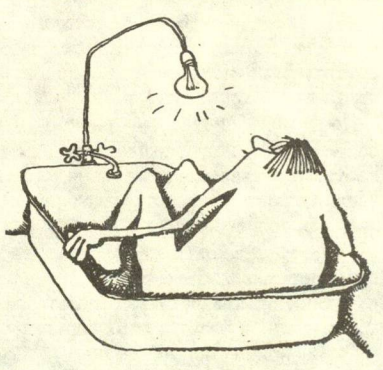
Огурцы нарезать тонкой соломкой, слегка потушить в сливочном масле, положить на мясо, полить соусом, подать с кнедликами из сухарей. Получится та-акая пакость, что никто в рот не возьмет.

Рюрик Карасевич









Забайкальские казаки. Работа Е. Епанчинцева.

«ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 23-90-08, 23-88-16

Выходит один раз в месяц.

Зак. №973

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков,
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Юрий Круглов,
Михаил Константинов,
Рюрик Карасевич,
Эдвард Маковский,
Евгений Минашкин,
Федор Машечко.
Игорь Портнягин
Вячеслав Толкалин